

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы

5–6 сентября 2012 г.

Том 1

Казань
Издательство КНИТУ
2013

УДК 930
ББК 63.3
И 90

*Печатается по рекомендации Ученого Совета факультета
социотехнических систем Казанского национального
исследовательского технологического университета*

И90 Историческая память и диалог культур : сборник материалов
Международной молодежной научной школы (Казань, 2012 г.): в 3 т.
Т. 1; М-во образ. и науки России, Казан. нац. исслед. технол. ун-т. – Ка-
зань : Изд-во КНИТУ, 2013. – 364 с.

ISBN 978-5-7882-1352-1

ISBN 978-5-7882-1353-8 (т. 1)

Сборник содержит статьи участников Международной моло-
дежной научной школы «Историческая память и диалог культур», со-
стоявшейся в Казани в 2012 г.

Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и
студентам, а также всем интересующимся проблемами изучения, со-
хранения и интерпретации исторической и коллективной памяти в
контексте диалога культур.

Проведение конференции и издание сборника осуществлены
при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ
(ГК от 22 мая 2012 г. № 12.741.11.0090)

Редакционная коллегия:

О.Н. Коршунова, доктор исторических наук

Р.А. Набиев, доктор исторических наук

С.А. Сергеев, доктор политических наук

А.Ю. Суслов, кандидат исторических наук

А.В. Карпов, кандидат исторических наук

ISBN 978-5-7882-1353-8 (т. 1)
ISBN 978-5-7882-1352-1

© Казанский национальный исследовательский
технологический университет, 2013

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

«Я приветствую решение Казанского национального исследовательского технологического университета организовать молодежную научную школу по истории и памяти. Нет ничего важнее, чем довести до общего сведения скрытый и слишком легко забытый опыт людей в прошлом. Только таким путем мы можем смириться с прошлым. Только таким образом мы можем решить важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в настоящее время. Только так мы надеемся двигаться вперед к лучшему будущему».

Аллан Мегилл, профессор, Университет штата Вирджиния, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит статьи участников международной молодежной научной школы «Историческая память и диалог культур», проходившей в Казанском национальном исследовательском технологическом университете (Россия) в сентябре 2012 г. Тексты докладов и статей поступили от представителей 12 государств. В центре внимания авторов находятся комплексные проблемы формирования и содержания исторической памяти, соотношения исторических мифов и реальности, диалога культур в эру глобализации. Большая часть участников школы – молодые люди в возрасте до 35 лет.

Пленарный доклад и статья профессора В.И.Дурновцева (Москва) концентрируют внимание на представленность исторической памяти и исторического сознания в теоретико-методологических и историографических практиках. Польские ученые М.Михалак и М.Галедек посвятили свои работы взаимодействию культур на материалах г.Данцига. Фундаментальный анализ соотношения истории, памяти и идентичности содержит статья профессора университета штата Вирджиния (США) Аллана Мегилла.

Отдельным сюжетом материалов сборника и выступлений на конференции предстает память о Великой Отечественной войне. Это проблема мифологизации и фальсификации образов войны, формиро-

вания исторической памяти о ней, особенности памяти о войне в Германии и России.

На секции *«Содержание исторической памяти»* наряду с сообщениями по проблеме сохранения культурно-исторического наследия и исторических памятников был заслушан доклад об электоральной статистике как источнике отражения исторической памяти современного российского избирателя, о судьбе исторических памятников и формах сохранения исторической памяти в своей стране. Эти сюжеты сочетались с генеалогическим ракурсом изучения и сохранения исторической памяти, сообщениями о роли музеев в трансляции образов прошлого, о семейной фотографии как источнике исторической памяти.

На секции *«Этническая память и диалог культур в эпоху глобализации»* получила развернутое отражение не только теоретическая составляющая диалога культур и исторической памяти в современную эпоху, но и коллизии взаимодействия культур в условиях интенсивных миграции, проблемы этнических меньшинств в полиэтническом городе, национально-культурная самоидентификация в современной России и др. В дебатах по теме этнической памяти был представлен дискурс конструктивизма и премордиализма.

Как писал великий российский историк В.О.Ключевский, «если история способна научить чему-нибудь, то прежде всего сознанию себя самих, ясному взгляду на настоящее». Предлагаемый сборник, надеемся, послужит шагом в этом направлении.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В.И. Дурновцев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Современная российская действительность в некотором роде является уникальной опытной площадкой для научно-практического освоения, в том числе в среде творческой молодежи, проблематики исторического сознания и исторической памяти, в контексте растянутого во времени перманентного диалога культур, мультикультурного и монокультурного векторов цивилизационного развития. Приложение интеллектуальных усилий может идти в различных направлениях, подсказанных теоретической, социологической, конкретно-исторической практикой. Тут и исследования индивидуально-массового исторического сознания, групповой/коллективной исторической памяти на теоретическом и историографическом уровнях¹, и конкретных исторических представлений отдельных корпораций, общностей, разделяемых по конфессиональному, этническому, профессиональному и иным признакам, обособляющихся во временном и пространственном измерениях.

Но каковы бы ни были масштабы и направления собственно исторического интереса и его высшей ступени развития, реализуемой в результатах строгого и ответственного научного исторического познания, день сегодняшний как судьба стучится в дверь. Что и говорить, мы живем в интересное время. Припоминая Николая Глазкова, начало нынешнего столетия, как и конец прошедшего, интересно и для современника, и заманчивая, хотя, может быть, и печальная тема занятий историка.

Пример рядом: беспрецедентный переворот в историческом сознании во всех его структурах и формах в эпоху перестройки (и его беспримерные последствия), неудержимо влекущий к выяснению не

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

только политических и экономических обстоятельств российской революции на рубеже тысячелетий, но и могучей роли в ней общественно-исторического умонастроения.

Академические исследования могут оказать существенную помощь в решении реальных проблем духовного, нравственного, культурного развития современного российского общества, в том числе в формировании, развитии и корректировке различных сегментов исторического сознания. Понятно, что историческое сознание нерасторжимо от научно-исторического познания в формате исторической науки, их взаимные отношения, взаимодействие – давний и имеющий богатую историографическую судьбу предмет исследования.

Отдельные фрагменты этих взаимоотношений интересуют нас здесь в первую очередь.

Пересмотр парадигм в науке, во всех отраслях научного знания дело, в сущности, обычное, почти заурядное. Вопрос в другом: как он отражается в историческом сознании и воплощается в общественно-исторической практике? И другой вопрос, требующий специального анализа: роль, какую оказывает историческое сознание в самом широком значении слова на профессиональную историографию, и не только на историографию. В самом деле, «жизнь имеет полное право предлагать вопросы науке; наука имеет обязанность отвечать на вопросы жизни». (С.М. Соловьев). Плохо только, что ответы часто остаются без последствий, а историческая практика далеко не всегда опирается на историческую теорию.

К тому же ответ может или потакать общественному вкусу, соответствовать видам власти, или мужественно противостоять бесстыдной фальсификации, всеми имеющимися у науки и образования способами содержать альтернативную общепринятой и удобной, строго научную точку зрения. А главное: предоставить возможность людям и общностям, опираясь даже на негативное переживание исторического опыта, предлагать историческую перспективу. Поистине, «история – это наука о прошлом и наука о будущем» (Л.Февр). Подсознательное стремление избежать дурной повторяемости в истории споспешествует проявлению их интереса к научному историческому познанию.

Кризисы и научно-революционные потрясения – постоянные спутники рождения новых исторических теорий. Возникнув как следствие неудовлетворенности предлагавшимися ответами на «проклятые

вопросы», задающиеся временем, обществом, корпорацией, обзаведясь адептами, заняв приоритетное и даже господствующее положение в изучении и объяснении природных и социальных феноменов, новая научная парадигма рано или поздно обрекает себя на «грызущую критику мышей», становится гумусом для рождения новых идей, которые, в свою очередь, рано или поздно разделят судьбу предшественников.

Наука истории – не исключение, тем более в контексте (переиначивая Ф. Броделя) «долгой историографической длительности».

История научно-исторического знания – яркая иллюстрация несбыточности мечты «конца» исторической практики и ее, часто взаимно исключаящих друг друга, методологических апологий, окончательного решения вопроса о границах безграничного научного освоения прошлого. История как будто строгая наука, однако ответы на запросы жизни и собственного исторического познания постоянно уточняются, корректируются, а то и решительно отвергаются. Может быть, в числе прочего, история и строгая наука, потому что склонна, так сказать, к самосуду или самоедству, предельно критична по отношению к самой себе и, пережив провиденциальные, рационалистические, романтические, позитивистские и прочие схемы и их конкретно-историческое оформление, за очередным «лингвистическим поворотом» видит новые горизонты, которые, впрочем, нередко уже открывались ей на путях бесконечном освоения прошлого.

«Устаревшие» теоретико-познавательные способы изучения истории отправляются на периферию, маргинализируются, но не исчезают бесследно в инструментальном ящике исторической практики. Критика позитивизма порождает «новый позитивизм», постструктурализм сменяет структурализм, за модернизмом следует постмодернизм, за социальной историей «новая социальная история» – конца этому не видно.

Но любая критика научных доктрин является неубедительной перед людскими потребностями в историческом нарративе и самосознании себя в мире. Литература fiction и non-fiction разделяется не по господствующим и влиятельным на данном этапе теориям. Читающая публика не особенно прислушивается к рекомендациям профессиональной историографии.

В этом смысле судьба отечественной исторической науки, ее методологической и идейно-политической составляющей, в свою оче-

редь имеющей достаточно отчетливое внутреннее членение, лишь с большими оговорками может оцениваться как беспрецедентная. Даже в феномене советской историографии не больше неповторимого, чем во всякой другой национальной науке, хотя конкретное содержание и результативность каждой из историографий, естественно, индивидуальны.

Навязанное обществу в годы перестройки представление об отечественной науке истории как беспросветном мраке, упадке, всеобщем ничтожестве и поголовном конформизме ее представителей (за редчайшими и строго отобранными исключениями), ее определение как особого научно-политического феномена, гармонично вписанного в систему тоталитарного государства и приспособленного к обслуживанию его идейно-политических потребностей, имело катастрофические последствия для массового и индивидуального исторического сознания, разумеется, в его тогдашнем, отнюдь не блестящим качестве¹.

Историографические войны, развернувшиеся на всем советском пространстве со второй половины 80-х гг., были часто боями без правил. Политика и в самом деле опрокинулась в историю. Роль исторической публицистики в радикальном перевороте исторического сознания была исключительной. Но именно профессиональные историки, не слишком озаботившись, что, реализуя открывшиеся перед ними возможности, они волей-неволей станут участниками политической борьбы, стали выполнять работу, к которой они, что очень важно, были подготовлены всей своей предшествующей профессиональной деятельностью. В том числе и в осмыслении собственно понятия «историческое сознание»².

В те времена на удивительные парадоксы советской историографии внимание обращалось редко. Например, занимая особое, мягко говоря, не самое комфортное положение в мировой историографии в силу навязанного ей монометодологизма и тотального идеологического прессинга, она по-своему ставила и разрешала в сущности те же

¹ См. Советская историография. М., 1996. С. 37.

² Литвин А. Историческая наука и историческое сознание // Коммунист Татарстана. 1990. № 7; Бурдей Г. Д. Историк и война. Саратов, 1991; Гаджиев К. С. Политическое сознание или политическая культура // Кентавр. 1991. Октябрь-декабрь; Сознание и история. Барнаул, 1993 и др.

вопросы, которые занимали западных историков, вплоть до истории повседневности или «человека в истории»¹.

Современный исследователь темы «Историк и власть» отмечает: «...Общая концепция отечественной истории и методологические требования, искажавшие правильное восприятие и истолкование фундаментальных явлений и процессов, не закрывали пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем. Трудным путем, соблюдая установленные властью границы и «правила поведения», историческое познание, тем не менее, двигалось вперед. Марксистский метод исторического исследования – подход к истории – принес свою пользу. Он раскрыл «свои» стороны истории, расставил новые акценты, заложил «свои» односторонние традиции изучения отечественного прошлого. Ориентируясь на него в большей или меньшей степени, историки развивали свою науку. История не сводилась к идеологии, чего хотела бы власть»². Наряду с очевидными и большими издержками из-за внешних условий были внутренние, строго научные факторы развития исторической науки: бережное, хотя и не афишируемое внимание к «старой» русской историографии; сосредоточение на культуре исторического письма, методике анализа и публикации исторических источников, сдержанно-критическое отношение к модным теориям и особенное внимание к правильному историческому образованию.

Именно о социальной ответственности современного историка за историческое сознание граждан своей страны, региона и идет речь. Акцент на включенности в историческое сознание научного исторического сознания, поставщиком которого выступает по большей части профессиональная историография, научное сообщество историков представляется существенным, так как четко определяет функции научного исторического знания и его пределы в формировании и развитии адекватного исторического сознания на коллективном и индивидуальном уровнях. Вспомним еще раз С.М. Соловьева, замечавшего,

¹ Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. Кн.2. М., 2004. С.119-120.

² Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005. С.787.

что осуществление народами и каждым человеком своего самосознания в развитой форме возможно «только посредством познания их истории» и поэтому история есть «наука народного самопознания».

Историки, участвуют в процессе формирования, развития, трансформации общественного исторического сознания. Но, конечно, они не претендуют и не могут претендовать на монополизм в формировании исторических представлений людей, каждый из которых принадлежит к определенной общности/общностям. Рядом с ними и власть, и литература, и средства массовой информации, и личный исторический опыт. Этническая и конфессиональная принадлежность, социальный статус, образовательный уровень, местожителство играют выдающуюся роль в исторических представлениях. К тому же не только история часто обманывает, но и историки, профессиональная историография одновременно может, если не потерять, то существенно снизить свой общественный авторитет.

Отмечая связь и естественную взаимозависимость массового исторического сознания и результатов научного постижения исторической реальности, необходимо отметить и явственную обособленность научного исторического сознания, в том числе исторического познания к постижению исторической истины.

Креативным и амбициозным молодым исследователям, стремящимся к деятельному участию в общественно-политической жизни страны, своего региона, тем, кому, может быть, тесно в границах академической науки, университетского образования, предоставляется возможность для проверки своих концептуальных идей исторического свойства и содержания на практике, внедрения их в общество, короче говоря, участия в формировании исторического сознания хоть на общественном, гражданском, хоть властном уровнях. Уваровская триада, ее содержание – другая тема, – недостижимый образец для нынешних претендентов стать «властителями дум». Аprobация на обществе той или иной идеи может блистательно провалиться, несмотря на все, включая властные, организационные и материальные, усилия и ресурсы. Другое дело, что на этом пути энтузиастов могут ожидать досадные неприятности. Мало на кого повлияли многочисленные парадоксальные версии национальной истории, предлагавшиеся и авторами учебников, и радикальными реформаторами, и фундаменталистами всех мастей в области историографии. Мало кто помнит о «суверенной демократии», технологическом продукте, насыщенном ис-

торическими реминисценциями. Состояние бифуркации, которое отчетливо переживает современное общество и власть, оставляет след и на историческом сознании, на индивидуальной, групповой памяти. Каждый раз по-своему и часто непредсказуемо. В условиях социального напряжения принадлежность одновременно к нескольким социальным, этническим, конфессиональным и иным группам, что, в общем, абсолютно нормально, порой оборачивается, в числе прочего, и крутой ломкой в личном историческом сознании.

В переломные моменты общественного развития, а у нас он, признаться, изрядно затянулся, исторический интерес проявляется особенно отчетливо. Любознательность и прагматизм, кажется, его наиболее заметные свойства. При этом акценты, к сожалению, нередко ставятся не на том, что реально объединяет – общая история и судьба, – но «частная история» и судьба общностей, в которые включен человек.

Понятно и объяснимо стремление федеральных властей предложить консолидирующую всех россиян идею. Государственные, властные интересы в данном случае могут совпадать с интересами научного познания.

Обоснование этой идеи в значительной мере может стать историческим и даже в первую очередь историческим. А в ее продвижении и реализации принципиальное значение приобретают осознанные действия по максимальному использованию выдающегося конкурентного преимущества современной России – мультикультурного характера российского общества и – тут следовало бы подчеркнуть – федеративного государства.

Незабвенный граф С.С. Уваров, между прочим, писал, что овладение властью истории – последний якорь существующего в его эпоху режима. Наша общая история в некоторых случаях может выполнять роль якоря в ином смысле, быть в некоторых существенных чертах чрезмерной. Невольно вспоминается Ф.Ницше, его трактат «О пользе и вреде истории для жизни». Поиск пресловутой общенациональной, консолидирующей всех и каждого идеи ведется давно. Ищется давно найденное: сбережение, приумножение народа и обустройство территории. Реконструкция исторической реальности, и когда эта деятельность велась эффективно, и когда отвратительно и приводила к противоположному результату, – задача историков.

Российская история знает немало поучительных примеров насильственного внедрения государственной национальной и даже всемирной исторической концепции в общество, а параллельно тотального давления на исторические представления людей. Результат известен, и он печален. Современные публикации источников по истории советской эпохи («Власть и художественная интеллигенция», «Власть и общество. Российская провинция», «Общество и власть», «Письма во власть», «Совершенно секретно». Лубянка - Сталину: о положении в стране. 1922-1934 гг.», «Крестьянские историки: русская деревня 20-х годов в письмах и документах»), новейшие исследования дают масштабную картину неблагоприятного массового исторического сознания. На переднем плане как будто безусловные реальные достижения партийно-государственной идеологии по целенаправленной деформации исторической реальности, а в недрах, в глубине исторического полотна – сильнейшее, и бессознательное, и осознанное сопротивление официальным декларациям. Не вступаем ли мы в поле воспоминания о будущем?

О кризисе современного исторического сознания пишется и говорится много и охотно. О его разорванности, фрагментарности, расслоенности, несовместимости индивидуальных/коллективных представлений о событиях, исторических личностях, отдаленности от исторического сознания научного сообщества, хотя последнее естественно не может быть однородным.

Но, во-первых, эти свойства так или иначе присутствуют в любом массовом историческом сознании. Во-вторых, в российском обществе, прежде всего на индивидуальном уровне, существует острый, может быть, не всегда осознанный отчетливо запрос на уточнение, изменение и выработку именно личного исторического сознания. Достаточно взглянуть на переполненные исторической литературой, не будем говорить здесь о ее научном качестве, полки книжных магазинов или ознакомиться с контентом рунета. Общее место: запрос порождает предложение. Если и говорить о кризисе, то в понимании его как важного момента развития, постепенного, хотя и болезненного формирования исторического сознания, близкого к научному историческому сознанию. Импульс исходит от конкретных людей, свидетельствуя, между прочим, не только о потребности, но и развитии их самосознания в принципиально новых социальных и политических условиях, порой за пределами и нормативной историографии, и навя-

занных властных версиях. Впрочем, молодому поколению иные условия неведомы. И государственная власть, преследуя свои понятные интересы, в сущности, стремится удовлетворить общественный запрос. Отсюда и пробуждение внимания к учебной литературе по истории, постановке преподавания истории в школе и вузах, и создание известной комиссии по фальсификации (бесславно и тихо исчезнувшей, к удовлетворению научного сообщества, кроме, пожалуй, тех ее представителей, кто живет по известному принципу «чего изволите?») до создания особого исторического общества.

Выходит, что власть, более или менее развитые структуры гражданского общества, в том числе и научные сообщества гуманитариев, объединяются во внимании к формированию адекватного общественно-государственным потребностям, соответствующего «духу времени» исторического сознания. «История – что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают суетовить ее необходимость и ценить ее благодеяние»¹. Это знаковое явление – интерес к истории. Не только внимание власти, это понятно, но людей. В недавнем выступлении главы государства на Совете по международным отношениям выставлены в качестве приоритетных направлений деятельности властей и общественных структур поддержание международной гармонии, оперативное и грамотное урегулирование потенциально конфликтных ситуаций, содействие диалогу между представителями различных общин, пропаганда толерантности. Понятно, что реализация такой программы предполагает разработку механизмов развития и корректировки современного исторического сознания и всех его составляющих компонентов. Остается надеяться, что институциям, связанным с научным историческим сознанием, найдется соответствующее их значению место.

Естественно, что строгое научное обсуждение проблематики, относящейся к историческому сознанию, историческому познанию и социально-исторической памяти в уникальной, созданной, может иметь практическое применение и предполагает энтузиазм исследователей.

¹ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 265-266.

Для практикующего историка опорами, ориентирами в конкретно-исторических изысканиях исторического сознания, массового, индивидуального, политического и иных, наряду с владением методикой и техникой источниковедческого анализа, в том числе нередко нетрадиционных источников, является теоретико-методологический анализ проблемы. Точно так же для социолога, изучающего реально функционирующее сознание. Для философа, проникающего в структуры исторического сознания, исторической памяти, исторического познания – владение фактическим историческим материалом. Но известное противоречие между исследователями, сосредоточенных на исторических реалиях, остающихся верными девизу «История пишется по источникам» (хотя и понимающими ограниченное значение это классической формулы), и теми, кого преимущественно занимают теоретические вопросы («Остались еще историки, полагающие, что прошлое изучается по документам»), сохраняется. Это известное недопонимание в гуманитаристике так или иначе снимается, особенно при осознанном и профессиональном применении междисциплинарных подходов.

Что касается научной литературы, прямо, а тем более опосредованно относящейся к проблематике исторического сознания и исторической памяти, то разнообразие и оригинальность заключенных в ней подходов, идей и суждений как раз во многом объясняется вниманием гуманитаристики в целом философов и социологов, историков и лингвистов, филологов и психологов. В ней, в общем, отсутствует встречающееся в других случаях ожесточение в спорах. Для нее характерен индивидуальный почерк авторов. Эта литература разнесена во времени, многие умозаключения и выводы естественно лишены современного исторического и историко-познавательного опыта, что как будто ее обедняет. Но за ней в лучших образцах, в том числе 60-х – 70-х гг. минувшего столетия, стоит цивилизационный опыт и переживания современной им исторической реальности. В некотором отношении – это ценный источник для изучения национального исторического сознания во всех его проявлениях в современный авторам период.

Каждый из нынешних гуманитариев может в проблематике «история и общество», а ведь именно об этом, в конечном счете, идет речь, найти свободную и – свою – нишу. Каждый в соответствующей

области гуманитарных научных знаний может опереться на мощную философскую, социологическую, политологическую, методологическую, историографическую традицию, национальную и зарубежную.

В какие бы пространственные или временные границы не был бы заключен предмет исследования в сфере исторического познания, какими бы обоснованными не представлялись естественные ограничения исследовательской темы, учет ее цивилизационного, культурологического, историографического контекста очевиден. А это означает, что, хотя многие труды в этой области отделены от нас десятилетиями, созданы в жестких моноидеологических условиях, сохраняют отнюдь не только узко историографическую значимость. Это и первые работы в проблематике исторического сознания философов, социологов Ю.А. Левады, И.С. Кона, А.И. Ракитова, и историков и методологов М.А. Барга, А.Я. Гуревича¹. Список можно продолжать, без преувеличения в нем окажутся десятки имен, составляющие гордость отечественных гуманитарных наук.

Конечно, немного, они и должны быть единичными, синтетических и междисциплинарных исследований, в том числе и таких, в которых проблемы исторического сознания и исторической памяти рассматриваются во всеобъемлющем цивилизационном, историографическом культурологических контекстах².

Острое внимание к этой проблематике связано с переосмыслением функций современной исторической науки, методологическими поворотами в историографии, появлением новых перспективных направлений в конкретно-исторической практике – глобальной, региональной истории³, существенном обновлении источниковедческой

¹ Левада Ю.А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы науки. М., 1969; Кон И.С. Социология личности. М., 1967; Ракитов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982; Бург М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005.

² Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб, 2003-2006 и др.

³ Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2011; Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011; Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М.А. Кукарцева. М., 2011 и др.

базы исследования, в том числе как результата социологических исследований отношения людей к историческим событиям, ценностям, личностям, проявлениям негативизма в исторических оценках в зависимости от групповой принадлежности¹.

В то же время приходится признать, что, с одной стороны, в современных теоретических исследованиях далеко не всегда учитываются информационные ресурсы исторической науки, публикации исторических источников, с другой, нормативная историография сдержанно относится к результатам теоретического анализа сущности исторического сознания и его структуры, связи с историческим временем, соотношению с другими формами общественного сознания.

И не по порядку, но по значению. Современный этап научного освоения проблематики исторического сознания, его компонентов и разновидностей невозможно представить без тщательного и всестороннего изучения трудов зарубежных исследователей. Конечно, к работам, скажем, Мориса Хальбвакса, Пьера Нора или Яна Асманна, российские ученые обращаются постоянно. Но опыты конкретного приложения, заключенных в них идей, естественно, не механически, с поправкой на российскую историческую реальность, могут привести к серьезным научным результатам и соответствующему общественному резонансу. «Что такое Россия?» (по следам «Что такое Франция?» Пьера Нора) – заманчивый проект изучения коллективной памяти россиян и репрезентация многообразия российской многонациональной идентичности.

Таким образом, практики комплексного междисциплинарного изучения проблематики исторического сознания, исторической памяти, а также ограниченные соответствующими сферами гуманитаристики теоретические и конкретные исследования предполагают обобщающее историографическое осмысление. Накопленный материал дает для этого все основания. В том числе и в связи с постоянно возникающими терминологическими вопросами.

¹ Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э., Меркушин В.И., Афанасьева А.И. Историческая память // Информационный бюллетень №1(10). М., 1991; Материалы «круглого стола» по теме: «Историческая память населения России: состояние и тенденции развития» // Социология власти. М., 2002. № 1-2. и др.

Джон Тош¹ термин «историческое сознание» назвал скользким. Но именно с осмысления феномена «историческое сознание» авторитетный английский ученый предложил начать освоение ремесла историка (Гл. 1. «Историческое сознание»). Остается добавить, что ведь и другие, связанные с историческим сознанием, понятия отнюдь не отличаются прозрачностью и легкой доступностью для понимания. Может быть, и в самом деле начинать целесообразно и именно с них, прежде чем включаться в сферу профессиональной историографии с точки зрения различных научных гуманитарных пристрастий и устремлений? В этой связи исключительное значение имеют историографические наблюдения и обобщающие характеристики Л.П. Репиной по проблемам памяти и исторического сознания².

Об общепризнанном определении понятий «историческая память», «историческое сознание», «историческое познание» говорить рано и сомнительно, что его можно когда-нибудь достичь. В каждом конкретном случае приходится договариваться о терминах, прежде чем начать предметную дискуссию в философском, социологическом, лингвистическом или конкретно-историческом контекстах. Исследователи-гуманитарии специализируются в различных областях знания, придерживаются различных концепций, принадлежат к разнообразным научным школам, зависимы от времени, в котором им суждено действовать, и не в последнюю очередь индивидуального исторического опыта.

Объединяет их история – и в значении исторического процесса, и в смысле исторического познания, функции, которые отправляет историческая наука в обществе, общественные запросы и ответная реакция людей и общностей на профессиональные занятия, концептуальные и частные версии.

Осмысление объема и содержания понятий «историческое сознание», «историческая память» и их производных – групповая, коллективная, индивидуальная, культурная и пр. целесообразно осуществлять в границах сформировавшегося научного направления –

¹ Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С.11.

² Репина Л.П. Указ.соч.

истории понятий¹. Разнообразие определений «историческое познание», «историческая память» вполне соответствует сложности изучаемых объектов. История этих понятий опирается на множество существующих определений. Каждое из них заслуживает отдельного комментария, учитывающего, не в последнюю очередь, и время, и философскую, историографическую традицию, близкую автору.

История понятий, в понимании ее, в частности, Р.Козеллеком – это в первую очередь путь к пониманию самой истории. В нашем случае целесообразно опереться на конкретизацию понимания истории понятий Н.Е. Копосовым, для которого это направление является важнейшим инструментом критики социальных наук, т.е. эмпирическое междисциплинарное исследование интеллектуальных и социальных оснований социальных наук как исторически сложившейся культурной практики². И далее: «Основные исторические понятия, несмотря на всеобщую неудовлетворенность ими, по-прежнему являются системой координат и необходимым инструментом любого исследования общества и истории. Они в концентрированном виде содержат наиболее общие представления об устройстве и эволюции социального мира. Многие теории социальных наук являются по сути дела раскрытием значения основных исторических понятий. Однако внутренняя структура этих последних, естественно, отнюдь не непосредственно определена социальной реальностью, которую они описывают, но несет на себе отпечаток присущих нашему разуму исторически изменчивых форм. Таким образом, анализ семантических структур исторических понятий... является важнейшим аспектом когнитивного анализа социальных наук, точнее, механики нашей собственной умственной работы»³.

Попытки предложить более или менее всех удовлетворяющих определение «исторического сознания» заведомо обречены на неудачу. Но в то же время некоторые общие черты, а некоторые стали общим местом, конечно, можно обнаружить.

¹ Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI – XX века: сб. научных работ. СПб., 2006. С.33-53; Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Там же. С. 9-32.

² Копосов Н.Е. Указ. соч. С.28-29.

³ Там же. С.29.

Например, историческое сознание рассматривается как важнейший срез сознания общественного, содержащий мощную и всепроникающую историческую компоненту. Или: важнейшими функциями исторического сознания выступают собственно познавательная, воспитательная, идеологическая, политическая и иные. Или еще: историческое сознание по сути своей отличается предельной расслоенностью, осложняющей системное осмысление. Во-первых, каждый из членов общества «сам себе историк». Во-вторых, общественные структуры не однородны: различные общности, кланы, сообщества, разделяемые этнически, конфессионально, культурно, политически имеют свой исторический интерес, свое историческое сознание, свою коллективную историческую память, на которой лежит мощный отпечаток индивидуальной памяти. Наконец, они имеют «свою» профессиональную историографию. И, добавим, своих адептов мифологической истории. У каждой социальной группы свой избирательный исторический интерес, свое представление о вчерашнем, позавчерашнем, свой жизненный исторический мир. В гуманитарном научном сообществе, научном историческом сообществе, в частности, дело обстоит не лучше, но иначе. Каждый сам себе ученый. Но он принадлежит, тем не менее, к определенной научной школе, прошел научную выучку в определенной среде. В силу своих профессиональных подготовки и занятий, политических воззрений не в последнюю очередь, его включенность в композицию исторического сознания избирательна.

Специальный интерес к проблематике исторического сознания и исторической памяти также отличается во многих случаях точностью. Скажем, философ, дистанцируясь от конкретного анализа на основе скрупулезного изучения исторических источников и других информационных ресурсов для изучения исторической реальности, может сосредоточиться на системно-гносеологическом подходе к этим социальным феноменам. Социолог естественно стремится исследовать реально функционирующее сознание, выраженное в позициях конкретных людей, его современников. Историки сосредоточиваются на изучении исторического сознания и его разновидностей в определенных общностях, социальных слоях в определенные эпохи, периоды, не исключая современной им исторической действительности. Для лингвиста на первом месте анализ семантических структур исторического сознания.

Но, так или иначе, стремление к терминологической четкости и определенности в процессе оперирования понятиями «историческое сознание», «историческая память» и понятиями, с ними связанными, проявляется всеми исследователями, нередко вынужденными предварительно объяснить, договориться о терминах. Стремление опираться на общепризнанные определения понятно, тем более что в существующих словарях как будто отмечены важные свойства исследуемого объекта, в целом разделяемые в обществе. Частично преодолевается непонимание в ходе дискуссии, создаются формальные основания для продвижения в содержательном анализе. Проблема, собственно, заключается только в том, насколько предложенные определения адекватны научным и в целом общественным потребностям.

Тут следовало бы быть осторожными в выборе. Скажем, в одном из словарей разграничение исторического сознания и исторической памяти явно формально, содержит в качестве решающих свойств исторического сознания и исторической памяти некую неопределенную осведомленность о прошлом, связанное с переживанием за настоящее и будущее. Важным признаком этих феноменов выступает ответственное патриотическое чувство на индивидуальном и коллективном уровнях. Такого рода определений можно привести немало. Они отбивают тягу к точности определений и, что бесспорно положительно, приводят к отчетливому пониманию опасности утери информационной содержательности феноменов, размывании существа важных вопросов.

Как писал Марк Блок, «нет никакого смысла помещать в начале этой книги («Апология истории, или ремесло историка»), сосредоточенной на *реальных* проблемах исследования, длинное и сухое определение. Кто из серьезных тружеников обращал внимание на подобные символы веры? Из-за мелочной точности в этих определениях не только упускают все лучшее, что есть в интеллектуальном порыве. Привязка исследователя, особенно тех, кто делает первые шаги в науке, к как будто общеупотребительным, расхожим определениям, с одной стороны опасна. С другой стороны, опора на предшествующий опыт необходима для дальнейшего собственного интеллектуального и профессионального развития, что, конечно, бесспорно.

Впрочем, есть и еще одна альтернатива: естественная близость обозначенных социальных феноменов создает условия для сосредоточения на содержательной стороне вопроса. Необходимые общие ха-

рактистики и понятия неизбежно появятся в ходе научного синтеза. В этом смысле конкретно-исторические исследования исторического сознания отдельных социальных слоев, привлечение в ходе анализа проявлений индивидуальной и коллективной исторической памяти, представляются особенно эффективными, покоящимися на эмпирическом освоении исторической реальности в соответствующем исследовательском аспекте.

Практикующий историк, может, например, в качестве рабочей гипотезы ограничиться пониманием исторической памяти как памяти, слабо или вообще не связанной с действительностью, а исторического сознания как феномена, напротив, функционирующего во всех временных координатах.

Остановимся в заключение только на одном подходе к пониманию исторического сознания и исторической памяти – включенности в них индивидуального и корпоративного пласта памяти и научного исторического сознания. В широко известной работе А.И. Ракитова «Историческое познание: системно-гносеологический подход», опередившей на несколько лет общее состояние гуманитаристики в советскую эпоху, предвосхитившей соответствующую проблематику исследований в 1990-е – 2000-е годы, ступени движения и проникновения в пространство истории представлены как движение от исторического интереса к историческому сознанию, а потом к историческому познанию.

Понятием «историческое сознание», писал он, ссылаясь на определение Ю.А. Левады, охватывается «все многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознает (воспроизводит и оценивает) свое прошлое, в которых общество воспроизводит свое движение во времени». В этой формулировке не отделяется индивидуальное, массовое историческое сознание от научного, которое, в свою очередь, вовсе не рассматривается по безусловному ведомству профессиональной историографии.

Но в таком случае нельзя согласиться с утверждением А.И. Ракитова об общей стихийности, нерационализированной фиксации прошлого историческим сознанием как целостностью. Ведь в нем заключается и мощный пласт именно строгого, определяемого интересами науки рационального освоения исторической реальности. И историческое сознание в целом, и его существенный рациональный научный компонент выполняют функцию сохранения, накопления и пе-

редачи исторического опыта, этнической ценности, культурной общности и преемственности.

Надо ли говорить, что тут не последнюю роль играет личность ученого? Равнение на авторитет, в том числе и ложный, характерно для людей, открытых для восприятия и переосмысления собственного исторического опыта и исторических знаний. Потребитель исторической информации может ориентироваться в своих исторических предпочтениях на Д.С. Лихачева, но может вырабатывать свои взгляды под влиянием А. Фоменко или даже какой-либо поп-дивы. Личностный характер – отличительная черта исторического познания, обращает внимание А.И. Ракитов. Но то же самое можно сказать об историческом сознании в целом.

Ж.Т. Тощенко, изучивший результаты социологических исследований исторического среза общественного сознания в России в конце 80-х и в 90-е годы прошлого столетия, предложил следующее определение. Это – «специфическая форма общественного сознания и поведения людей, охватывающая знания, понимание и отношение людей к историческому прошлому, его взаимосвязи с реалиями сегодняшнего дня и его возможному отражению в будущем... Если охарактеризовать суть и содержание исторического сознания, то можно сказать, что оно представляет собой совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всем его многообразии, присущим и характерном как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей». Выходит, что одной из таких социально-профессиональных групп является и научное сообщество историков. Связь исторических представлений с настоящим и будущим отражается в суждениях о прошлом. Прошлое как бы включено в оценки современности и участвует в выработке определенных идеалов общественного устройства в будущем. Как видим, и здесь историческое сознание не исключает наличия в нем мощного научного сегмента, непосредственного участника формирования исторических представлений. Другое дело, что далеко не всегда оно оказывает решающую роль в формировании адекватного научному постижению окружающего мира во времени.

Время во всех модальностях, полагает Ж.Т. Тощенко, присутствует и в исторической памяти. Разница заключается только в размытости, неопределенности, исторического сознания и целенаправ-

ленности, определенной ограниченности исторической памяти. Историческая память предстает разновидностью исторического сознания. И в силу этого характерная известной неполнотой. Историческая память – «это определенным образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания»¹.

Признаемся, что среди многих десятков существующих определений исторической памяти и исторического сознания, возможно, более точно отражающих содержательную сложность и богатство этих социально-когнитивных феноменов, нас занимало в первую очередь то, в какой мере они в качестве обязательного компонента включали именно индивидуальную/коллективную память и личное/групповое историческое сознание корпорации профессиональных историков и научного гуманитарного сообщества в целом. И прежде, и теперь.

М. Михалак

**ВОЛЬНЫЙ ГОРОД ГДАНСЬК – ПЕРЕКРЕСТОК
КУЛЬТУР И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ**

После Первой Мировой войны 18 января 1919 г. открылась Парижская Мирная Конференция, которой предстояло решить одну из сложнейших проблем – это границы послевоенной Европы, в частности ее Средневосточной части, где в течение года были воссозданы ранее несуществующие страны. Особенно трудным было разграничить западную и северную границы восстановленного Польского государства, в связи с чем возникла проблема государственной принадлежности города Гданьск². Особое внимание к этому городу было вызвано его значимостью в регионе Балтийского моря. Территориальные и экономические интересы восстановленной Польши и потерпевшей

¹ Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

² Е. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. IV/2: 1920-1945, Sopot 1998, p. 33.

поражение Германии пересекались в многонациональном городе Гданьск. Большую часть населения здесь составляли немцы, однако среди жителей города насчитывалось и огромное количество лиц польской национальности, а также евреи и русские. Польское государство заявило права на этот город после 123-х летнего отсутствия его на Европейской карте. Главным аргументом служили особые экономические отношения между Польшей и Гданьском¹. Город был расположен в устье самой длинной польской реки Вислы. Этот большой порт служил экономической связью между городом и Европой, а также остальной частью мира. Вторым аргументом были немцы, которые составляли почти 90% населения города². Решение проблемы государственной принадлежности зависело от Союзных и Соединенных Держав. Так в соответствии со статьями 100-108 Версальского договора от 28 июня 1919 г. был определен правовой статус Вольного Города Гданьск³. Гданьская область включала в себя сам город Гданьск и прилегающие территории протяженностью 1893 км² с населением 366730 человек⁴. Согласно Версальскому договору, данная территория находилась под защитой Лиги Наций. «Должным образом назначенными представителями» была принята конституция, составляющая политическую систему города⁵. Отношения между Гданьском и Польским государством регулировались принятой обеими сторонами Конвенцией.

Согласованный на Парижской Мирной Конференции особый правовой статус Гданьска был вызван многими факторами. Играли важную роль и отдельные интересы Союзных и Соединенных Держав. Франция, которую Польша считала своим союзником, стремилась укрепить международное положение восстановленного государства и оказать ему поддержку. С другой стороны, Британская делегация была

¹ E. Cieślak, C. Biernat, *History of Gdańsk*, Gdańsk 1995, p. 421.

² S. Mikos, *Struktura społeczna i problem narodowościowy w Wolnym Mieście Gdańsku*, „Zeszyty Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, Historia, nr 4, Gdańsk 1975.

³ E. Cieślak, C. Biernat, *op.cit.*, s. 421.

⁴ H. Stępnia, *Ludność polska w Wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939*, Gdańsk 1991, p. 34.

⁵ *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*

против ослабления позиций Германии и, следовательно, против заявления Польши о своих правах на Гданьск¹. На правовой статус Вольного Города в межвоенный период 1920-1939-х гг. также повлияла и его сложная история с многонациональным и мультикультурным характером: тысячелетняя история города сыграла ключевую роль в анализе правового режима Гданьска. Таким образом, мультинационализм и мультикультурализм оказал особое влияние на уникальный юридический и международный статус Гданьска в первой половине XX в.

Город на пересечении культур и национальностей

Перед представителями Союзных и Соединенных Держав стояла сложная задача – решение вопроса о государственной принадлежности Гданьска. Они, безусловно, видели сложность проблемы в давних традициях города. С момента его основания в конце X в. Гданьск считался перекрестком культур и национальностей². Славянское поселение на побережье Балтийского моря стало коренным населением для вновь созданного Польского государства, и оставалось им вплоть до конца XII века³. В этот период город стал важным экономическим и политическим центром, а также портом, являющимся источником международных соглашений. В XII в. возник новый фактор – приток немецких поселенцев, которые в свою очередь внесли особый вклад в развитие ремесленного производства, торговли, судоходства и правового управления города (закон Любека). Более того, в тот период возникли две коллизии: польские амбиции, связанные с Балтийским побережьем, и немецкая политика в области Востока («Натиск на Восток»)⁴. Эта конкуренция впервые появилась в XIII в., когда Бранденбургу не удалось осуществить экспансию в Гданьском направлении. Однако в 1308 г. тевтонцами удалось завоевать город и все Поморье. Их господство в регионе продолжалось 146 лет.

Во второй половине XV в. началась новая история города. В феврале 1454 г. под принудительным натиском рыцарей Тевтонского ордена население Гданьска начало покидать город. Эти события про-

¹ J. Wójcicki, *Wolne Miasto Gdańsk 1920-1939*, Warszawa 1976, p. 45.

² T. Grzybowska, *Gdańsk*, Wrocław 2000, p. 7.

³ E. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. I, Gdańsk 1978, p. 5.

⁴ *Ibidem*, p. 6.

исходили в течение 13-летней войны (1454-1466) Тевтонского ордена с Польшей. Завершил войну подписанный 19 октября 1466 г. Второй Торуньский мир, ставший для Гданьска крайне важным не только в политическом смысле (по Торуньскому миру к Польше отошла западная часть владений ордена — Гданьское Поморье), но и принес существенные изменения в городскую жизнь. Польские короли, которые пользовались множеством привилегий, стали членами местного самоуправления. Собственная армия, право на производство монет и независимая судебная власть гарантировали широкую автономию. Взаимоотношения города с Польским государством, а также расположение его в устье Вислы, были решающими в его динамичном развитии. Последние десятилетия XVI в. стали периодом величайшего процветания Гданьска, его «золотым веком»¹. На тот момент это был самый большой и богатый город Республики. Местоположение Гданьска привлекало многих художников, ученых, юристов и богословов. Многие из них искали здесь жилье, хорошие условия жизни, возможности для художественной и научной работы. Этот фактор привел к значительной национальной диверсификации города. Помимо основных групп — политически и экономически доминирующего населения Германии и польских жителей, в городе проживали люди и более низкого класса, а также большая группа голландских меннонитов, прибывших в середине XVI в., а в XVII веке в городе поселились группа французских купцов². Среди жителей города можно было встретить и англичан, и шотландцев, и венгров и представителей других национальностей. Таким образом, в результате активной экономической и культурной среды появился международный конгломерат.

Раздел Польши привел к процветанию Гданьска. Город был включен в состав централизованного и бюрократического Прусского государства. Еще один прорыв случился в XIX в. Маршал Франсуа-Жозеф Лефевр, командир X Корпуса Великой Армии Наполеона, 27 мая 1807 г. оккупировал город, приняв перед ратушей капитуляцию прусского генерала Калькрейта³. Так начался 6-летний период существования Вольного Города Гданьска (1807-1813/14). Формально но-

¹ J. Friedrich, *Gdańsk – miasto wolności*, Toruń 2008, p. 7.

² E. Cieślak, *Historia Gdańska*, t. I, Gdańsk 1978, p. 8.

³ A. Nieuważny, *Wolne Miasto Gdańsk – uwagi nad dziejami* [in:] „Napoleon i Gdańsk – Pierwsze Wolne Miasto Gdańsk 1807 – 1813/14”, Gdańsk 2008, p. 13.

вый правовой статус города был установлен в Тильзитском соглашении. Гданьск восстановил свою полную автономию. Городской Совет (Сенат), собственная судебная власть и право на производство монет были восстановлены. Однако на практике, реальная власть оказалась в руках Наполеона. Приказы императора выполнялись губернатором Жан Раппом¹. Из-за натиска со стороны Франции автономия города была лишь фикцией. Хотя следует отметить, что, по мнению представителей элиты, получение статуса даже ограниченного юридического лица было лучше, чем функционирование в рамках централизованных и бюрократических ограничений Пруссии². Окончательный разгром города Наполеоном разрушил мечты о малейшей независимости. Будущее Вольного Города Гданьска, захваченного русской армией Александра I, решится на Венском Конгрессе. Граждане Гданьска были готовы вернуться под господство Пруссии. Однако они не теряли надежды, что отвоеванный Наполеоном город не исчезнет. К сожалению, безусловный возврат Гданьска под прусское правление привел к восстановлению первоначальной формы автономии. В 1817 г. в городе была введена политическая система, основанная на новом прусском праве от 1808 г., что означало возвращение к системе управления на национальном уровне³. Гданьск оставался в пределах границ Прусского раздела до начала Первой Мировой Войны.

Гданьский вопрос на Парижской Мирной Конференции

Внезапное начало Первой Мировой Войны изменило положение Гданьска. Подписанный между державами союз в конце XVIII в. разделил Польшу на части. В целях усиления роста человеческого и экономического капитала бывшие оккупанты дали обещание о будущей независимости государства взамен на помощь в войне. В прокламации от 5 ноября 1916 г. Германия и Австро-Венгрия опубликовали совместный манифест о создании «независимого государства с наследственной монархией и с конституционным строем» на российской части Польши⁴. В Новогоднем приказе от 25 декабря 1916 г. Николай II объявил, что целью войны могло бы стать «создание свободной

¹ *Ibidem*, p. 15.

² *Ibidem*, s. 20.

³ *Ibidem*, s. 21.

⁴ W. Roszkowski, *Historia Polski 1914-2005*, Warszawa 2006, p. 12.

Польши»¹. Страны Антанты не оставались в стороне. Президент Томас Вудро Вильсон 22 января 1917 г. заявил о том, что в результате войны должна быть сформирована единая и независимая Польша. Польский Национальный Комитет, работающий в Париже с 17 августа 1917 г., предоставил министрам иностранных дел Союзных Держав подробно изложенную петицию о польской независимости². В то же время, Роман Дмовский, действуя от имени комитета, выступил с предложением, что «Великобритания, Франция, Италия и Соединенные Штаты Америки должны поставить свою печать на соглашении, в рамках которого одной из задач войны станет восстановление независимого Польского государства»³. После чего в соответствии с постулатами польской дипломатии восстановленному государству переходит часть Силезии и Балтийского побережья на устье Вислы и Немана. Для польской дипломатии доступ к морю на устье Вислы и город Гданьск был одним из приоритетных. Обстановка на фронте определила условия для реализации этой цели. Разразившаяся большевистская революция в России, а затем и ухудшение положения армии дали возможность более активно выступать в польском вопросе. 8 января 1918 г. президент США Вудро Вильсон представил программу мирного урегулирования, пункт 13 которой гласил о том, что «необходимо создать независимое польское государство, которое должно включать территории с бесспорно польским населением, и которому должен быть обеспечен свободный и надежный доступ к морю»⁴. Однако в реальности это представлялось очень сложным. Согласно записям из дневников полковника Эдуард М. Хауза, советника президента Вильсона, в пункте 13 употребление слова «необходимо» вместо «должен» неслучайно, ведь все зависело от стечения обстоятельств, а именно от того, как США будет настаивать на своих позициях по поводу польской границы⁵. Не было сомнений, что наиболее спорным вопросом станет вопрос свободного и безопасного доступа к морю, от которого напрямую зависела государственная принадлежность Гданьска.

¹ *Ibidem*, p. 13.

² J. Wójcicki, *op.cit.*, s. 16.

³ R. Dmowski, *Pisma*, t. VI, Częstochowa 1937, p. 359.

⁴ L. Gerson, *Woodrow Wilson and the Rebirth of Poland 1914-1920*, New Haven 1953, p. 122.

⁵ *Diary of Edward M. House*, Yale University Library, 12 I 1918.

В первый день Парижской Мирной Конференции 18 января 1919 г. была назначена Комиссия по польскому вопросу, председателем которой стал бывший посол Франции в Берлине Жюль Камбон¹. Основной задачей его деятельности стала подготовка доклада о польско-немецкой границе. В соответствии с постулатами пункта 13 мирной программы Уилсона, восстановление Польского государства в первую очередь означало безопасный и беспрепятственный доступ к морю. Члены комитета считали, что это возможно только в том случае, если Восточная Пруссия с 1600000 немцами будет отделена от Германии. 22 января 1919 г. Комиссия представила проект, подготовленный американской делегацией об изменении границы Европы². Данный документ под названием «Предварительный Отчет» рекомендует присоединение Поморья и Гданьска обратно к Польше, поскольку «для Польши – это вопрос жизни»³. Фраза «вопрос жизни» означало экономическую роль Гданьска. На тот момент город был естественным портом на реки Висла. В свою очередь, экономический прогресс восстановленного государства зависел от создания торговых отношений между Европой и остальной частью Мира. Однако в своем докладе глава британской делегации высказал возражения по этому поводу, утверждая, что обязательства платить огромные компенсации, а также огромные территориальные потери могут «сломать» правительство Германии, и которая просто не подпишет мирный договор⁴. Более того, согласно своей стратегии политического равновесия, Британская делегация не могла допустить существенного ослабления позиций Германии и в то же время укрепления Франции⁵. Премьер-министр Ллойд-Джордж боялся, что безоговорочное решение о возвращении Гданьска Польше может привести к такому результату. В итоге Британская делегация, сославшись на историю, предложила дать Гданьску и его соседним районам статус вольного города. Согласно британскому проекту, немцы отказались от всех прав на город с территорией 1893 км². При этом область, получившая статус вольного города, функционировала под защитой Лиги Наций. Премьер-министр

¹ J. Wójcicki, *op.cit.*, p. 38.

² *Ibidem*, p. 36.

³ *Ibidem*, p. 36.

⁴ J. Pajewski, *Historia Powszechna 1871-1918*, Warszawa 1978, p. 490.

⁵ J. Wójcicki, *op.cit.*, p. 45.

Ллойд-Джордж сумел убедить президента Вильсона. Предлагаемый вариант звучал следующим образом: «решение вопроса по поводу Гданьска принималось с должным усердием, а также с учетом характера его многовековой истории [...] На протяжении многих лет большую часть населения Гданьска составляли немцы. По этой причине не предлагалось включение Гданьска в состав Польского государства. К тому же, Гданьск был ганзейским городом за пределами германской политической границы, и в этой стране хорошо развивалась независимая торговля с Польшей. Таким образом, экономические интересы Гданьска и Польши пересекались. И, вероятно, Гданьск как крупнейший порт на Висле нуждался в сильных взаимоотношениях с Польшей»¹.

Правовой статус Вольного Города Гданьска

Статьи 100-108 Версальского договора легли в основу правовой системы Гданьска. Окончательно подписанный сторонами регламент должен был быть представлен на следующей Конвенции. Конституция, подготовленная по согласованию с Верховным комиссаром Лиги Наций на основе ст. 103 Версальского договора, определяла политическую систему Вольного Города². После того, как договор вступил в силу, Гданьск оказался под контролем главы Союзных и Соединенных Держав до тех пор, пока Город не был призван вольным. Британский дипломат сэр Реджинальд Тауэр был принят на должность временного управляющего³. Немецкая армия оставила Гданьск и британские войска вошли в город. Р. Тауэр был назначен Верховным комиссаром Лиги Наций по Гданьску⁴.

В соответствии с Версальским договором, Лига Наций была защитником, гарантом и органом, решающим любые возникающие споры в Вольном Городе Гданьск. Под защитой понималось предотвращение вмешательства других стран во внутренние дела Гданьска. Роль гаранта предполагала участие в подготовке Конституции и вне-

¹ Note on the conditions of the peace Treaty, addressed to Germans on 16 June 1919.

² Text of the Treaty of Versailles in: *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*.

³ S. Mikos, *Wolne Miasto Gdańsk a Liga Narodów*, Gdańsk 1979, p. 26.

⁴ M. Jałowicki, *Wolne Miasto*, Warszawa 2002, p. 155.

сения поправок к этому документу. Лига Наций разрешала также любые споры на линии Гданьск-Польша¹. Верховный комиссар был представителем Лиги в Вольном Городе. Его функции, в основном, заключались в урегулировании конфликтов между Гданьском и Польшей. В соответствии с договором, Польша имела право на управление внешней политикой Вольного Города, и поэтому в отношении международных соглашений, подписанных правительством Польши от имени Гданьска, Верховный комиссар обладал правом на вето в случае какого-либо несоответствия закону.

Политическая система Вольного Города должна была отразиться в Конституции. Версальский договор ожидал, что она будет принята избранными представителями народа Гданьска по согласованию с Верховным комиссаром Лиги Наций². Выборы в учредительное собрание состоялись 16 мая 1920 г. 11 августа 1920 г. был принят проект Конституции. Лига Наций, как гарант Конституции, требовал введения многочисленных поправок. Обсуждение итогового документа продолжалось в течение двух лет, а официальная версия была представлена на 24 июня 1922 года³. Конституция состояла из 117 статей. Первая часть описывала политическую систему города, вторая – основные права и обязанности граждан, а также две основные власти: Фольстаг – высший законодательный орган и Сенат – орган исполнительной власти. Сенат состоял из 22 членов (президент, вице-президент и 20 членов Сената). Фольстаг состоял из избираемых на 4 года 120 членов.

Права и интересы Польши в Гданьске представлял Генеральный Комиссар. Он был посредником между польским правительством, властью Вольного Города и Высшим Комиссаром Национальной Лиги. Ему подчинялись все чиновники города, кроме таможенных, железнодорожных и других служащих, находящихся в подчинении соответствующих министерств.

Порт Польша-Гданьск и Совет водных путей был последним элементом управления Вольного Города. В Версальском договоре эта власть не предусматривалась. Польше предоставили право пользова-

¹ S. Mikos, *Wolne Miasto Gdańsk a Liga Narodów*, p. 45.

² Text of the Treaty of Versailles in: *Zbiór dokumentów urzędowych dotyczących stosunków Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej*.

³ E. Cieślak, C. Biernat, *op.cit.*, s. 425.

ния портом в Гданьске. Вновь избранная власть Вольного Города, и это в основном немцы, требовали интернационализации порта. Польские власти, сосредоточившиеся на войне с Советской Россией, пошли на уступки. В результате, в соответствии с Парижской Конвенцией от 9 ноября 1920 г., был назначен Совет портов и водных путей, осуществляющий свою деятельность под руководством председателя Совета, пяти комиссаров Польши и Гданьска¹.

Вольный город Гданьск - жизнь между поляками и немцами

По данным переписи 1923 г. общая численность населения Гданьска составляло 366 730 человек, для 348 493 которых родным языком являлся немецкий, для 12027 - польский, для 2628 - русский, для 602 - еврейский и для 204 – другие языки². Однако представленные выше данные вовсе не соответствовали реальной ситуации. Об этом говорит количество отданных голосов поляками на выборах в Фольстаг в 1920 – 1921 годах³. Более того, согласно церковно-приходской статистике, количество польских голосов оценивается между 30 000 и 36 000 человек, то есть около 10% населения города⁴.

Доминирующее положение немецкого населения в Гданьске повлияло на состав руководящих органов. На выборах в Фольстаг в 1920 г. поляки получили лишь 7 голосов из 120 мест. Превосходство немцев было очевидным также на выборах в исполнительный орган – Сенат. Так на пост президента Сената Фольстаг назначил немца Генриха Сахма⁵. С другой стороны, правовой статус Свободного Города создал прочные экономические связи между Гданьском и Польшей. В частности, Свободный Город входил в таможенную зону Польши, что привело к увеличению иммиграция поляков в город. Власть Гданьска

¹ *Ibidem*, s. 429.

² Gemeindelexikon für die Freie Stadt Danzig auf Grund der Ergebnisse der Volkszählungen vom 1. November 1923 und 31 August 1924 und anderer amtlicher Quellen, bearbeitet und herausgegeben vom Statistischen Landesamt der Freien Stadt Danzig, Danzig 1926, s. 54-55; Zob. A. Romanow, *Emigracja rosyjska w Wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939* [in:] „Rocznik Gdański”, t. 45, z.2, 1985, s. 77-111; zob. G. Danielewicz, M. Konopacka, M. Walicka, *Polki w Wolnym Mieście Gdańsku*, Gdańsk 1985.

³ H. Stępnia, *op.cit.*, p. 35.

⁴ *Ibidem*, s. 38.

⁵ J. Wójcicki, *op. cit.*, s. 107.

опасалась возможной полонизации города. Поэтому Сенат стремился укрепить отношения с Веймарской Республикой¹. В немецких политических кругах такое сотрудничество приняли с удовольствием. Данное сотрудничество было хорошо разработано особенно в области культуры и спорта. Все эти меры были призваны поддерживать немецкий символ города.

В Вольном Городе Гданьск правовые и политические позиции польского населения регулировались статьей 4, пунктом 5 Версальского договора, статьей 33 Парижской Конвенции и статьей 4 Конституции Свободного Города². Одной из целей Версальского договора было предотвращение какой-либо дискриминации в ущерб гражданам Польши и других лиц польского происхождения. Конституция Свободного Города рассматривала поляков в качестве национальных меньшинств, гарантировала их свободное национальное развитие и применение польского языка в школах, офисах и судах.

Однако существовала проблема отсутствия каких-либо процедур для обеспечения защиты и соблюдения прав польского меньшинства, гарантированных каким-либо договором, Конституцией и другими актами³. Городские власти последовательно проводили политику поддержки немецкого населения Гданьска. На практике права польского населения Свободного Города были ограничены.

В этих условиях польское население Гданьска понимало необходимость организации более эффективной защиты собственных прав и интересов. В результате в городе был создан ряд польских организаций. Так 26 ноября 1921 г. была основана Польская Община. Основной целью этой организации стало объединение всех поляков Гданьска. Польская Община должна была играть ведущую роль в польском обществе. К сожалению, не все члены данной организации имели равные права. К привилегированным членам относились поляки, являющимися гражданами Гданьска и принадлежавшие к одной из христианских вероисповеданий. Те же, кто имел лишь польское гражданство, могли стать только чрезвычайными членами Сообщества без права

¹ H. Stępnia, *op.cit.*, 113.

² K. Weiss, „Swoi” i „obcy” w wolnym Mieście Gdańsku 1920-1939, Toruń 2002, p. 69; zob. F. Marszałek, *Prawa polskie w Wolnym Mieście Gdańsku*, Gdańsk 1958, p. 27-28.

³ *Ibidem*, p. 70.

голоса¹. В 1933 г. была создана новая польская ассоциация – Союз Поляков в Свободном Городе Гданьск, все члены которого имели равные права. Создание конкурентной ассоциации привело к краху Польской Общины. К счастью, внутренние противоречия были, наконец, решены. В апреле 1935 г. на выборах в Фольстаг обе организации – Польское Сообщество и Союз Поляков – представили совместный избирательный список².

В Гданьске появилось большое количество польских культурных учреждений. Особенно оживленно и активно, например, в 1921–1931 гг. в Гданьске, Сопоте, Оливе и других районах города проводил широкую деятельность польский любительский театр. Важная роль принадлежала Польскому Музыкальному Обществу. В то время возобновили свою деятельность множество хоровых обществ, в том числе такие известные, как “Лютня” или “Цецилия”³. Кроме того, в ноябре 1921 г. было создано Польское Образовательное Общество, как учреждение польской системы образования⁴, которое также оказывало медицинскую помощь и организовывало летние лагеря для студентов. Целью деятельности всех этих заведений было укрепление национального духа и пробуждение национального самосознания поляков, живущих на территории Свободного Города Гданьск.

Принимая решение о правовом статусе Гданьска, представители Союзных и Соединенных Держав на Парижской Мирной Конференции верили, что предлагаемый вариант приведет к миру и процветанию города. Так с момента своего основания город был местом совместного существования различных национальностей и культур. А такое гармоничное сосуществование граждан на протяжении долгих лет было возможным лишь при автономии Гданьска. В XVI в. город получил право самоуправления в рамках предоставленных польским королем привилегий. Религиозная терпимость, свобода художественного и научного самовыражения притягивали сюда ученых, художников и торговцев со всей Европы. Без сомнения, процветание достигалось в результате сотрудничества между гражданами. Автономия позволила объединить на территории города лиц разных национально-

¹ H. Stępniaк, *op.cit.*, p. 209.

² *Ibidem*, p. 212.

³ *Ibidem*, p. 207.

⁴ *Ibidem*, p. 210.

стей, создавая своеобразный плавильный котел. Учитывая такую уникальность истории, представители Союзных и Соединенных Держав решили предоставить Гданьску статус Вольного Города.

К сожалению, жесткая реальность межвоенного периода подвергла сомнению правильность принятого решения. Как в Фольстаге, так и в Сенате города с самого начала доминировали немцы. Действия властей были очевидными: они хотели сохранить немецкий дух города. Высшие чиновники не скрывали своего мнения, что Гданьск должен стать частью Великой Германии. Свободный Город стал объектом агрессивной пропаганды Третьего рейха¹. Развитие нацистского движения в Гданьске привело к усилению ревизионистской тенденции. 7 апреля 1935 г. на выборах в Фольстаг НСДАП (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия) получила 60% голосов². Политическая кампания сопровождалась насилием в отношении проживающих в городе поляков и евреев. Некоторые даже считали, что польское население должно быть изгнано из города. Вновь избранные органы власти, являющимися, в основном, национал-социалистами, не скрывали своего желания включить Гданьск в состав рейха. 1 сентября 1939 г., когда немецкий линкор «Шлезвиг-Гольштейн» открыл огонь по польским солдатам на порту Гданьска в Вестерплаттене, история Свободного Города подошла к концу.

Создание Вольного Города Гданьск оказалось попыткой найти подходящее решение для культурно и национально дифференцированной территории. Долгая история Гданьска показала, что предоставление городу самоуправления привело к его успешному развитию. К сожалению, из-за национализма в Европе город стал одним из жертв этой войны. Тем не менее, история Свободного Города Гданьска явля-

¹ M. Andrzejewski, *Działania propagandowe w państwach skandynawskich postulujące przyłączenie Wolnego Miasta Gdańska do Niemiec* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 6, Gdańsk 1983; zob. J. Sobczak, *Propaganda zagraniczna Niemiec weimarskich wobec Polski*, Poznań 1973.

² M. Andrzejewski, *Proces opanowywania przez Hitlerowców gdańskiego Volkstagu* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 11, Gdańsk 1981; zob. M. Andrzejewski *Propaganda niemiecka wobec kwestii Wolnego Miasta Gdańska (1920-1933)* [in:] „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego”, nr 3, Gdańsk 1978.

ется ярким примером правового решения многонациональной и мультикультурной территории.

О.Н. Коршунова, Р.А. Набиев

ТРАДИЦИИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Человечество все чаще сталкивается с ростом глобальной ксенофобии и серьезных столкновений на религиозной почве. Трагические события и конфликты способны нарушить некое равновесие и гармонию в обществе, для восстановления которого затрачиваются огромные ресурсы. Значимость обеспечения спокойствия в сфере межрелигиозных отношений для общественного развития очень велика. Любая религия не только составляет важную основу духовной культуры, но и «оказывает мощнейшее влияние на политическую культуру и политическое поведение значительной части общества»¹. Применительно к российским реалиям историко-этноконфессиональный фактор общественного развития особенно важен в силу многонационального и поликонфессионального характера страны.

На повестку дня ныне встал вопрос о необходимости создания энциклопедии под условным названием «Ислам и татары», издание которой призвано способствовать фактором плодотворного межкультурного диалога. Актуальность издания определяется тем, что ислам играет значительную роль в современном мировом общественном развитии, а число его приверженцев растет наиболее быстрыми по сравнению с другими конфессиями темпами. Общее число мусульман составляет от 1,2 до 1,6 млрд. человек. Заметными темпами растёт мусульманское население регионов, где традиционно доминировало христианство – Западной Европы и Северной Америки. За вторую половину XX века доля лиц, относящих себя к мусульманам, в Западной Европе утроилась, а в американском выросла более чем в 14 раз.

¹ Бестужев Е.Л. Современное русское православие как полирелигия // Диалог, толерантность, образование: совместные действия Совета Европы и религиозных конфессий: мат. заключительного международного семинара «Религия и права человека». Казань, 2006. С.142.